

РЕЛИГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Доклад Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя отдела внешних церковных связей Московского Патриарха, **НА КОНФЕРЕНЦИИ «РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»**

Санкт-Петербург, 30 сентября 2005 года

Уважаемые участники конференции!

В общественных науках уже давно существует общее понимание того, что идеи играют важную роль в любой человеческой деятельности, в том числе политике. Идеи являются важным способом познания человеком себя и мира. Они позволяют оценить и наполнить смыслом происходящее, а, следовательно, мотивировать деятельность человека как существа разумного. Одной из главных черт современных международных отношений является оживление или, как принято сегодня говорить в науке, возвращение религии в общественную жизнь, включая политику. На деле это означает, что политическая деятельность людей все чаще мотивируется идеями, имеющими религиозное происхождение. Неизбежность появления такого рода мотивации обусловлена таким свойством религиозного мировоззрения, как целостность. Являясь основой жизни религиозного человека, вера определяет все аспекты его общественной и личной жизни. Следовательно, чем больше становится верующих людей и чем активнее они себя ведут в политике, тем больше религиозно мотивированные идеи оказывают влияние на международные отношения.

В качестве иллюстрации влияния религиозных идей на мировую политику, по понятным причинам, чаще всего сегодня приводится пример терроризма, основанного на экстремистском прочтении ислама. Также упоминается антисемитизм и сионизм, питающийся радикальным прочтением христианства, ислама и иудаизма. Существуют и другие религиозно мотивированные «измы», появляющиеся вокруг той или иной религиозной традиции. Нередко на этом основании делается вывод о том, что религии во взаимодействии с политикой способны генерировать только разрушительные идеи, которые угрожают миру и человеческой жизни. При этом на второй план уходит созидательная роль религии и те идеи, которые были рождены в ее лоне, а затем приобрели светский характер и активно используются в политике в созидательном ключе. Одной из таких мощнейших положительных идей современного мира является концепция прав человека.

В своей основе это целый комплекс идей, которые имеют религиозное, более того христианское происхо-

Одной из главных черт современных международных отношений является оживление или, как принято сегодня говорить в науке, возвращение религии в общественную жизнь, включая политику.

ждение. Эти идеи развивались во многом из христианских представлений о достоинстве человека. Однако в течение столетий вплоть до сегодняшнего дня представления о достоинстве человека интерпретировались таким образом, что во многих пунктах эта интерпретация противоречила ее традиционно христианскому пониманию. Именно в таком порой антихристианском виде концепция прав человека реализовывалась и реализуется в политической практике. По этой причине некоторые силы предлагают отбросить концепцию прав человека и объявить ее врагом номер один для традиционного христианского сознания. Но тысячелетняя церковная традиция учит нас поступать по-другому с различными системами взглядов, если в них хотя бы частично присутствуют здоровые идеи, близкие христианским представлениям. Церковь всегда руководствовалась принципом тщательного собирания малейших крупиц истины и правды, рассеянных в человеческом опыте познания мира. Этот подход связан с именами таких крупных христианских мыслителей как святой

Иустин Философ, Ориген, Климент Александрийский и, наконец, святые святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.

Но не только в мировоззренческом понимании достоинства человека заключается сегодня трудность функционирования концепции прав человека в сфере международных отношений. Несмотря на то, что центральная идея концепции прав человека — достоинство личности — является христианской по своему происхождению, современная форма ее политической и общественной реализации сложились вне опыта духовной жизни и истории стран православной традиции. Тем более то же замечание относится к нехристианским цивилизациям. Концепция прав человека появилась в результате развития народов Запада, прежде всего протестантских государств. Значительно позже эта концепция прошла соответствующую рефлексию в Католической Церкви. Православная мысль в России активно подключилась к осмыслению прав человека одновременно с католическими мыслителями, примерно в конце XVIII — начале XIX веков. Этот процесс прервала Октябрьская революция, которая в своем роде также была определенным ответом на эти

дискуссии. К сожалению, в советское время тема прав человека часто использовалась исключительно для пропагандистских целей, а серьезная дискуссия внутри страны по этой теме не велась.

Сегодня для России важно вновь, на серьезном интеллектуальном уровне, развивать эту дискуссию. В решении этой задачи, на мой взгляд, современная российская научная, общественная и религиозная мысль должна проявить себя одновременно общемировой и самобытной. Открытость к другим цивилизациям, в частности западной, состоит в том, что самосознание народа России не отвергает важные наработки опыта других народов, а самобытность — в соотношении этих идей со своим национальным опытом.

В современных международных отношениях права человека подаются западными странами как общественно-политическая норма, приемлемая для всех народов мира. Однако об их внедрении в той или иной стране судят по тому, на сколько внешние признаки — общественные и политические институты, правовые нормы и общественно-политический процесс — совпадают с западной практикой. Если эти формы не приживаются в западном виде на другой культурно-цивилизационной почве, то нередко представители Запада начинают говорить о желательности смены этой почвы, замены ее на западные образцы в религии, культуре, политике, экономике и так далее. Эта логика способна порождать настоящий культурный империализм, не разбирающийся в средствах достижения своих целей, поскольку для его сторонников он обосновывается благими намерениями — приобщением народов мира к правильным идеям. Если оставить за скобками политические мотивы подобной линии поведения, на мой взгляд, она находит поддержку на Западе, а также в некоторых других странах мира, потому что там всерьез не задумываются над тем, что является универсальным, а что — вариативным в концепции прав человека.

Полагаю, что универсальным в концепции прав человека является ценностный уровень. Утверждение, что достоинство человека являются важной ценностью, которая должна защищаться обществом и государством, представляет из себя значимое положение для подавляющего числа цивилизаций, в том числе для православной. Также важной является ценность свободы, которая в концепции прав человека выполняет функцию условия *sine qua non* реализации достоинства человека. Вариативным в концепции прав человека является понимание этих ценностей и способы реализации этого понимания. К вариативному уровню также относится стиль жизни человека, организация общественной и политической жизни в той или иной стране, воплощающие эти ценности. Наконец, на мой взгляд, к вариативному уровню концепции прав человека относится то эксклюзивное значение, которое часто придается ценности свободы в обеспечении достоинства человека. Сама ценность свободы, как было отмечено выше, православным подходом не оспаривается, но не рассматривается как единственное условие реализации достоинства человека.

Склонность к абсолютизации ценности свободы для защиты достоинства человека вытекает из самобытной истории западной цивилизации. Уже в эпоху до разделения Церквей оформились два подхода к пониманию свободы, в том числе в ее политическом проявлении. Один стал доминирующим на Западе, а второй преобладал на

В эпоху до разделения Церквей оформились два подхода к пониманию свободы, в том числе в ее политическом проявлении. Один стал доминирующим на Западе, а второй преобладал на Востоке.

Востоке. Сама проблема свободы стала актуальной для всех Церквей без исключения после того, как христианство приобрело статус государственной религии в Римской империи. История поставила перед всеми христианами серьезный вопрос о применении политической власти в вопросах веры. Прежде всего речь шла о возможности использования государственной власти для защиты и распространения веры.

В предшествующий период гонений христианские мыслители были сторонниками свободы совести, считая, что обращение ко Христу может быть только добровольным. Поэтому единственный способ распространения веры они видели в убеждении людей. В 328 году известный христианский святитель Кирилл Иерусалимский в своих катехизических беседах писал: «Хотя Бог и щедр в благодетелии, но ожидает от каждого искреннего произволения». Святой Иоанн Златоуст в V веке говорил о том, что христиане не могут ниспровергать заблуждение насилием и принуждением, но стоит это делать только убеждением. В том же духе в начале своей церковной деятельности писал и блаженный Августин.

Но дальнейший опыт управления Церковью приводит многих авторитетных мыслителей к убеждению в том, что иногда принуждение может играть положительную роль в обращении людей в христианство. Так, блаженный Августин, ведший в своей епархии борьбу с донатистским расколом, пишет: «Я поддался фактам. Епископы забросали меня примерами, стали указывать не на отдельные только лица, но и на целые города, в которых прежде господствовал донатизм, а ныне царит православие. Особенно замечателен в этом отношении мой город, жители которого были прежде донатистами, а теперь под влиянием императора обратились в православие и с такой ненавистью относятся к донатистам, что и подумать нельзя, чтобы он когда-нибудь был городом донатистов». Подобные успехи принудительной власти внушали мысль о том, что Господь позволяет использовать даже некоторую степень принуждения над человеком ради его спасения.

Действительно, сторонники использования принудительной силы государства в миссионерских целях и борьбе с ересями были как на Востоке, так и на Западе. Однако именно в западной традиции на долгие столетия закрепился подход, оправдывающий структурное насилие в отношении инакомыслия. Более того, он развился в определенные формы церковной и общественной жизни. В церковном плане на Западе получило развитие идея папства, в соответствии с которой пребывание человека в лоне истинной Церкви теснейшим образом увязывалось с обязательным следованием учительному авторитету Римского епископа. В VIII веке папы получают светскую власть и затем активно используют ее для укрепления своего духовного влияния на людей. В XIV веке появилась инквизиция, преследовавшая еретиков. Подобной институализации механизмов принуждения в делах веры на Востоке никогда не было или, по крайней мере, в таких хорошо разработанных формах. Наоборот, на православном Востоке сохранялось понимание необходимости добровольности в принятии веры. Хорошей иллюстрацией существования этого отношения к вопросу о приходе к вере являются византийские, а затем и русские православные миссии. В отличие от западных они никогда не делали главный упор на силу оружия, а действовали с помощью просвещения и убеждения.

В конце концов, действие механизмов принуждения в делах веры на Западе привело к сопротивлению, обоснования которого черпались из самого христианства. Первым духовным и интеллектуальным движением, которое обратило внимание Рима на несоответствие некоторых его доктрин христианскому духу, стала Реформация. В Новое время протест против практики принуждения раздался со стороны просвещенческих мыслителей, которые и стали родоначальниками современной философии прав и свобод человека. Однако из-за того, что христианство ассоциировалось с Католической Церковью, идея свободы преимущественно оформлялась вне традиционного христианства и во многом как антиклерикальное и антихристианское движение. Более того, идеи прав человека кристаллизовались без какой-либо привязки к определенным нравственным нормам. В концепции прав человека можно лишь обнаружить ссылку на идею ответственности человека. Но из-за отсутствия ясно разработанных критериев определения этой ответственности, в историческом развитии тезис о ее необходимости постепенно нивелируется. В результате философия прав человека приобретает не только антихристианский, но и антинравственный характер. Особенно это становится заметным в наше время. Философия прав человека нередко используется для того, чтобы оправдать отступление от нравственных норм: культ насилия, наживы и потребления, аборты, гомосексуализм, эвтаназия и другое.

В противоположность Западу, где существовали развитые институциональные механизмы принуждения к единомыслию в духовных делах, христианский Восток часто страдал от духовного и как следствие политического разномыслия. Именно на Востоке, как правило, возникали многочисленные богословские партии и национальные течения, раздиравшие единство многих государств и наносившие вред человеческой жизни. Поэтому особой проблемой для Востока было нахождение путей к единению общества, причем таких, которые бы в идеальном плане основывались на доброй воле людей.

Если обратиться к истории Русского государства, то на начальном этапе его существования главной заботой русских князей было сохранение единства Руси. Русские летописцы прямо пишут о том, что источником всех бед Руси являлась разобщенность ее народов и элит. Не случайно знаменем освобождения от монголо-татарского ига стала идея собирания русских земель. Но в Москве, в этом новом центре России, быстро осознали, что только одной централизованной власти недостаточно, чтобы удержать в порядке такую обширную территорию со многими народами.

В XVI веке на Руси возникает идея применения церковного принципа соборности в общественно-политической сфере. Ее практика и нормы оформляются постепенно. Если при Государе Иоанне Грозном первые Земские соборы представляли своего рода съезды региональной власти, к тому же редко собиравшиеся, то во времена Государя Алексея Михайловича Романова Земские соборы уже состояли из различных сословий российского общества и собирались часто, практически по всем важным вопросам национальной жизни. Перенесенная с церковной почвы, в государственной жизни соборность стала пониматься как проявление совместных усилий всех слоев общества в решении общих проблем и задач, когда личные интересы отступают на второй план.

Вклад России в развитие прав человека может состоять в утверждении баланса между свободой личности и соборностью общества.

Однако принципу соборности не суждено было развиваться в более определенную концепцию и отлиться в правовые формы. В начале XVII века Государь Петр I сделал выбор в пользу идеи абсолютизации власти, в то время весьма популярной на Западе. В результате чрезмерное увлечение этой идеей привело к созданию бюрократического государства, которое не терпело рядом с собой ни какой другой силы. Это привело к ликвидации патриаршества и превращению Церкви в бюрократический инструмент, а также прекращению созыва Земских соборов. В краткосрочной перспективе подобные реформы оказались эффективными, но в то же время заложили начало процесса отчуждения верховной власти от народа.

Однако, начиная с XIX века, русские мыслители вновь обращаются к идее соборности, оставленной в результате петровских реформ, но продолжавшей привлекать православную мысль. Для православного мировоззрения идея соборности является важным, наряду со свободой, условием развития достоинства личности. Религиозное и философское исследование идеи единства привело русских философов к пониманию того, что единство невозможно без свободного участия личности в жизни общества. Достоинство личности развивается не только в условиях свободы, но и в братском общении с другими личностями, предполагающем отказ от приоритета своих личных интересов. На мой взгляд, в основании стремления многих наших предков к собиранию земель и укреплению единства России лежало, прежде всего, не желание покорения новых территорий и народов, а создание большой братской политической организованной общины.

Исторический опыт России свидетельствует о том, что в реализации достоинства человека православное мировоззрение указывает на важность как свободы отдельной личности, так и соборных начал общественной деятельности. Пренебрежение одной из этих ценностей приводит к разрушению общества и личности. Абсолютизация общины в ущерб свободе ведет к тоталитаризму, а абсолютизация свободы личности в ущерб соборности приводит к развалу общества и деградации личности. Вклад России в развитие прав человека может состоять в утверждении баланса между свободой личности и соборностью общества. Между прочим, для этого есть все основания во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в которой, в частности, говорится: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности».

Другим не менее важным вкладом России в развитие и реализацию концепции прав человека может быть принесение нравственного начала в эту важную для современных международных отношений политико-философскую парадигму. Большинство современных обществ, в том числе на Западе, сегодня находится в плачевном состоянии: ослабевают социальные связи, находятся в упадке семейные ценности, фиксируется демографический спад. Это происходит потому, что во многих демократических государствах отсутствует целенаправленная поддержка нравственных норм в общественной жизни. Такое положение дел ведет к раскрепощению человеческих страстей, которые, в свою очередь, разрушают само общество. Поэтому, выстраивая систему защиты индивидуальных прав и свобод, мы не должны забывать о мерах, направленных на укрепление соборных и нравственных начал, без которых невозможна реализация личных свобод.